

Тетрадь 2. Первые шаги кризиса: в зеркале макроэкономического прогноза

Об условиях и базовых пропорциях прогноза

Начало «санкционного кризиса»¹ потребовало сформировать новый пакет среднесрочных прогнозов. Разумеется, в сложившейся ситуации суть прогноза состояла не в «угадывании» конкретных возможных результатов социально-экономического развития, а в фиксации ожидаемых в конкретных условиях темпов и, главное, пропорций роста.

Применительно к параметрам среднесрочного прогноза были приняты следующие гипотезы²:

- масштабное сжатие экспорта уже в 2022-2023 гг. Прежде всего, это касается вывоза машин и оборудования: сокращение на 50-80% на рынки стран-инициаторов санкций, на 15-20% - на рынки прочих стран (вне ЕАЭС), на 10% - на рынки стран ЕАЭС. На рынках топлива потери объёмов окажутся существенно ниже. По углю, с учетом энергоперехода, потери составят: 30-40% на рынки стран-инициаторов санкций, 10-15% на прочие рынки (вне ЕАЭС); по нефти и нефтепродуктам: 20% на рынки стран-инициаторов, 5-10% на рынки прочих стран (вне ЕАЭС); по газу – 5-10% на рынки стран-инициаторов санкций. Аналогичные эффекты, в разной степени, ожидаются на рынках черных и цветных металлов, а также удобрений, в гораздо меньшей степени (единицы процентов потерь объёмов рынка) – на

¹ Который наложился на ситуацию структурного перенапряжения российской экономики, когда на экспортно-сырьевой сектор пришлось одновременно и нагрузка по обеспечению экономической стабильности (обеспечение притока валюты, формирование ресурсов / резервов бюджета), и обеспечение «импульса» для экономического роста, в том числе и в технологически сопряженных секторах)

² Использованы материалы записки «О некоторых параметрах среднесрочного прогноза: адаптация к условиям санкций» http://www.forecast.ru/_Archive/analytics/DB/foreparam2022.pdf

рынках редких металлов и зерна. Можно ожидать сжатия экспорта услуг (-60-70% на рынки стран-инициаторов санкций, -15% на рынках других стран вне ЕАЭС).

- резкое повышение дисконта по российскому экспорту. По нефти среднегодовой дисконт сорта Urals по отношению к Brent в текущем году может составить порядка 20-30 долл. за баррель, в 2023-2024 гг., по мере изменения страновой структуры вывоза – 10-12 долл. за барр. По газу (с учётом зависимости экономик даже стран-инициаторов, долгосрочности контрактов и частичного изменения структуры отгрузок с европейского на южное и восточное направление) дисконт к цене на российский экспорт может оказаться довольно умеренным, порядка 10% в 2022-2023 гг. и 5% в 2024 г. Зато по черным и цветным металлам, а также химической продукции, где конкуренция на рынках достаточно высока, масштабы дисконта по ценам российского экспорта могут оказаться значительно выше (по прогнозу они постепенно уменьшаются с 25% в 2022 г., на пике кризиса, до 15% в 2024 г.);
- что касается импорта, то здесь предполагается сжатие ввоза инвестиционных товаров (на 70-80% по отношению к тренду из стран-инициаторов санкций, на 10-15% из других стран, кроме ЕАЭС). Это потянет за собой соответствующее сокращение ввоза сырья, материалов и комплектующих (на 50% от тренда из стран-инициаторов санкций). На рынках потребительских товаров можно ожидать частичного замещения товаров из стран-инициаторов санкций (-25% от тренда) товарами из других стран (главным образом, АТР – +10% к тренду в 2023-2024 г.). Импорт услуг буквально «обвалится» (-70-80% от тренда из стран-инициаторов санкций и -25% из других стран вне ЕАЭС);
- существенной проблемой, определяющей среднесрочные перспективы российской экономики (на долгосрочном периоде действуют другие факторы) станет пресечение поставок критически значимого промежуточного импорта. Соответственно, есть риск того, что даже

при возобновлении расширения конечного спроса этот спрос будет лишь в ограниченной степени обеспечиваться российским производством. Из-за нехватки критически значимого импорта компонентов³, сырья и т.д. наши компании могут не суметь «освоить» это расширяющееся пространство спроса⁴, и оно станет заполняться ввозом готовой продукции. Это, в свою очередь, станет фактором дополнительного углубления экономического спада;

- важным фактором адаптации станет поведение компаний. С учетом умеренно-консервативной, стабилизационной по своему характеру, государственной политики, ожидалось, что основным каналом адаптации станет свертывание инвестиций. Следующий этап – торможение роста реальной оплаты труда и, главное, высвобождение занятых, как следствие адаптации компаний к затяжному характеру нынешнего кризиса. В этом, как предполагалось, и будет состоять особенность нынешнего кризиса: по мере нарастания понимания продолжительности кризиса компании будут просто вынуждены так или иначе оптимизировать трудовые издержки. Необходимо отметить, что с течением времени, по мере развертывания государственной антикризисной политики (в значительной мере, направленной как раз на сдерживание роста безработицы), оценки ожидаемого высвобождения занятых стали уменьшаться (см. ниже);
- в части государственной политики – сохранение примерно «довоенной» её логики: сохранение бездефицитного бюджета (при отмене «бюджетного правила» на 2022 г. и, возможно, изменения его в 2023 г.) при приоритете выплат населению над госинвестициями; осторожное снижение ключевой ставки Банка России вслед за исчерпанием последствий инфляционного шока февраля-марта.

³ тем более, что часть их – непосредственно «под санкциями», а часть производится компаниями недружественных стран, в том числе, добровольно свернувшими деятельность в России

⁴ Тем более, с привычным российским потребителям техническим и эксплуатационным уровнем продукции; хороший пример – производство легковых автомобилей

Как прогноз менялся во времени

Отслеживание изменений в регулярно подготавливаемых макроэкономических прогнозах (см. Таблицу 1) – способ не только (и не столько, конечно) оценить сам процесс их построения, тем более, что в условиях нестабильности общей ситуации конкретные количественные значения прогноза – «вовсе не догма». Интереснее – отражение в прогнозе изменений в экономической ситуации, в формирующихся трендах:

- «калибровка» последствий развёртывающегося в реальном времени экономического кризиса, превращение его из грозной «неопределённой неопределённости» в конкретную, измеримую, хотя и неприятную, реальность;
- влияние на параметры прогноза действий, предпринимаемых обеими сторонами «санкционной войны»: новых санкций, вводимых странами «антироссийской коалиции» и стабилизационных действий России, а также известной информации о поведении компаний и населения;
- поступающих (главным образом, с большим запаздыванием) статистических данных о ходе кризиса.

В целом весь период (март-июнь) может быть разделен на два фрагмента:

1. Период нарастания шока.

Конец февраля, март и апрель ознаменовались развёртыванием «санкционной войны»: к середине апреля основная система антироссийских санкций была или уже развернута, или активно обсуждалась.

При этом формально (на доступной статистике) эффекты от санкций еще почти не проявились.

Исключением была мартовская первичная жесткая девальвация рубля и вызванный ею инфляционный шок. В то же время, экономический спад в этот период еще, в общем, не возник. С одной стороны, в марте возникли временные факторы поддержки спроса на продукцию: наблюдался ажиотажный спрос на продовольствие (в ожидании подорожания и

возникновения физических дефицитов на ряде рынков) и непродовольственные товары (плюс к вышеуказанным факторам еще и ожидания ухудшения условий кредитования). Кроме того, по всей видимости, «еще» только начал сжиматься экспорт в недружественные страны. С другой стороны, в этот период «уже», видимо, начал сказываться фактор наращивания гособоронзаказа как элемент поддержки выпуска в промышленности.

В этой ситуации была предпринята первая «калибровка несформировавшихся трендов». Оценка падения инвестиций в 2022 г. в марте составила 25-30%, ВВП – порядка 6-6.5%, инфляции – около 20-25%. Ожидалось, что кризис продлится и в 2023 г., причём в 2023 г. важным фактором спада (порядка -2-2.5%) станет рост безработицы (до, примерно, 8% от численности занятых) и снижение реальной заработной платы, а значит и потребления населения (порядка -3.5%). Этот же фактор, плюс возможный «возврат импорта» на российские рынки, смогут «обеспечить» спад ВВП еще и в 2024 г. (-0.5%).

В апреле, по мере развертывания системы санкций и исчерпания «поддерживающего фактора», связанного с ажиотажным спросом населения, степень пессимизма прогнозных оценок стала максимальной⁵. Оценка спада ВВП в 2022 г. достигла 7.5-8%, безработицы в 2022 г. – 8%, в 2023 г. – 8.5% численности рабочей силы. Уровень инфляции в 2022 г. по-прежнему оценивался в 20-25%, в 2023 г. – 8-8.5%⁶ (на 1 проц. пункт выше, чем в марте).

2. Период «частичной адаптации», май-июнь.

Данный период (на фоне эскалации антироссийских санкций) ознаменовался началом экономического спада – как в целом (по крайней мере, по наблюдаемым отраслям), так и применительно к отдельным рынкам.

⁵ Отметим также начавшийся кризис в автопромышленности, см. раздел 1

⁶ Из-за ожидания «импорта инфляции» с мировых рынков продовольствия; к апрелю стало ясно, что высокая продовольственная инфляция – видимо, надолго

Так, по исчерпанию эффекта «ажиотажного спроса», начал падать товарооборот. Судя по косвенным данным (о грузоперевозках, сообщения профессиональных СМИ) продолжилось сжатие экспорта, началось падение частных инвестиций в основной капитал (по оперативным данным о производстве инвестиционного оборудования).

Вместе с тем, резко улучшившаяся внешнеэкономическая конъюнктура обеспечила достаточно мощный приток в экономику доходов (что вызвало повышение самооценок бизнеса – заметный рост РМІ в обрабатывающих отраслях, вплоть до положительного уровня). Одновременно, действия Правительства обеспечили стабильность функционирования основных систем экономики (прежде всего, платежной). В итоге, масштабы спада оказались (пока) меньше, чем ожидалось, а скачка безработицы нет вообще.

Улучшение ожиданий компаний и стимулирование государством «трудоемких» видов деятельности позволило предотвратить скачок безработицы. Оценка безработицы на 2022-2023 гг. снизилась до 6-6.5%. Это, в свою очередь, означало меньшие, чем ожидалось, масштабы сжатия реальной заработной платы и, в конечном итоге – потребления населения. Спад розничного товарооборота оценивается в 2022 г. примерно в 7%, в 2023 – в 1-1.5%. В итоге, общий спад в экономике в 2022 г., видимо, будет ограничен примерно 7%, в 2023 г. – 1-1.5% (на 0.5 проц. пункта ниже оценки марта-апреля).

Одновременно резко укрепился рубль, что привело к снижению инфляции. Своего максимума она достигла в апреле - 17.83% в годовом выражении, а уже в июне оценивается «всего»⁷ в 16%.

В итоге, прогнозные оценки заметно улучшились. Так, даже с учетом инфляционных рисков второго полугодия, инфляция в 2022 г. оценивается примерно в 15% (на 5-7 проц. пунктов ниже оценки марта-апреля), в 2023 г. – примерно в 7.5% (на 0.5 проц. пункта ниже).

⁷ По данным Росстата на 17 июня

Таблица 1. Прогноз социально-экономического развития России на 2022-2024 гг., темпы прироста в %

	2021	2022	2023	2024	2025
	факт	оценка	прогноз	прогноз	прогноз
Индекс потребительских цен (декабрь к декабрю)					
<i>июнь 2022 г.</i>	8,4	15 - 17	7,4 - 7,7	4,4 - 4,7	3,8 - 4,2
<i>май 2022 г.</i>	8,4	17 - 20	8,0 - 8,3	4,9 - 5,2	4,4 - 4,8
<i>апрель 2022 г.</i>	8,4	20 - 25	8,0 - 8,5	5,5 - 5,7	-
<i>март 2022 г.</i>	8,4	20 - 23	7,7 - 8,0	5,5 - 5,7	-
Валовой внутренний продукт					
<i>июнь 2022 г.</i>	4,7	-7,0 - -7,2	-1,2 - -1,5	1,0 - 1,3	1,5 - 2,0
<i>май 2022 г.</i>	4,7	-7,4 - -7,7	-1,5 - -2,0	0,7 - 1,1	1,3 - 1,7
<i>апрель 2022 г.</i>	4,7	-7,5 - -7,8	-1,7 - -2,0	0,3 - 0,7	-
<i>март 2022 г.</i>	4,7	-6,3 - -6,6	-2,0 - -2,3	-0,3 - -0,5	-
Инвестиции в основной капитал					
<i>июнь 2022 г.</i>	7,7	-20 - -24	-0,2 - +0,2	1,5 - 1,8	2,8 - 3,2
<i>май 2022 г.</i>	7,7	-24 - -28	0,0 - 0,4	2,4 - 2,8	2,9 - 3,3
<i>апрель 2022 г.</i>	7,7	-24 - -28	-0,2 - +0,2	2,4 - 2,8	-
<i>март 2022 г.</i>	7,7	-24,5 - -28,5	2,0 - 2,5	2,4 - 2,8	-
Оборот розничной торговли					
<i>июнь 2022 г.</i>	7,8	-7,0 - -7,3	-1,5 - -1,8	1,3 - 1,6	2,0 - 2,3
<i>май 2022 г.</i>	7,3	-7,5 - -7,8	-4,4 - -4,7	-0,1 - +0,2	1,6 - 2,0
<i>апрель 2022 г.</i>	7,3	-8,0 - -8,5	-4,4 - -4,7	-0,3 - 0,0	-
<i>март 2022 г.</i>	7,3	-7,2 - -7,5	-3,5 - -3,7	-0,3 - 0,0	-
Платные услуги населению					
<i>июнь 2022 г.</i>	14,1	-6,7 - -7,0	-4,2 - -4,5	1,2 - 1,5	1,6 - 2,0
<i>май 2022 г.</i>	14,1	-7,0 - -7,2	-6,0 - -6,3	0,8 - 1,0	0,9 - 1,3
<i>апрель 2022 г.</i>	14,1	-8,7 - -9,0	-3,7 - -4,0	0,7 - 1,0	-
<i>март 2022 г.</i>	14,1	-8,5 - -8,7	-3,5 - -3,7	0,4 - 0,8	-
Реальная начисленная заработная плата					
<i>июнь 2022 г.</i>	4,5	-4,3 - -4,5	-0,7 - -1,0	1,1 - 1,5	1,3 - 1,7
<i>май 2022 г.</i>	2,9	-4,5 - -4,7	-0,9 - -1,2	1,1 - 1,5	1,5 - 1,8
<i>апрель 2022 г.</i>	2,9	-4,5 - -4,7	-1,0 - -1,2	1,0 - 1,3	-
<i>март 2022 г.</i>	2,9	-4,0 - -4,2	-1,0 - -1,2	1,0 - 1,3	-
Реальные располагаемые доходы населения					
<i>июнь 2022 г.</i>	3,01	-6,9 - -7,2	-0,3 - -0,6	1,2 - 1,5	1,0 - 2,5
<i>май 2022 г.</i>	3,1	-7,0 - -7,3	-1,5 - -1,9	1,8 - 2,0	2,3 - 2,7
<i>апрель 2022 г.</i>	3,1	-7,5 - -7,9	-1,5 - -1,8	1,8 - 2,0	-
<i>март 2022 г.</i>	3,1	-7,0 - -7,2	-1,3 - -1,6	1,3 - 1,5	-
Уровень безработицы, % к рабочей силе					
<i>июнь 2022 г.</i>	4,8	6,2 - 6,5	6,3 - 6,5	5,5 - 5,9	5,4 - 5,8
<i>май 2022 г.</i>	4,8	6,8 - 7,0	7,5 - 7,3	6,5 - 6,8	6,0 - 6,4
<i>апрель 2022 г.</i>	4,8	7,7 - 8,0	8,2 - 8,5	7,0 - 7,2	-
<i>март 2022 г.</i>	4,8	7,0 - 7,3	7,8 - 8,2	7,7 - 8,0	-

Дальнейшее изменение параметров среднесрочного прогноза будет определяться действием следующих факторов:

- сроками и масштабом восстановления внешнеторговой активности (экспорта и импорта товаров) по мере адаптации России и её партнёров к новым, кризисным и посткризисным условиям хозяйствования, новым «уровням поддержки» экспорта;
- состоянием платежного баланса и обменного курса с учётом того, что импорт, видимо, будет восстанавливаться быстрее экспорта;
- масштабами «импорта инфляции» с продовольственных и сырьевых рынков при частичном открытии рынков, возможным наложением «импорта инфляции» с эффектами вероятного ослабления рубля и расширения спроса;
- поведением компаний в условиях постепенного завершения / затягивания кризиса, соответственно – соотношением усилий компаний на инвестициях или расходах на труд, а внутри последних – на поддержание реальной оплаты труда или занятости.

В любом случае – «поворотный пункт» в развитии кризиса еще впереди, точка его кульминации пока не достигнута.

А содержание долгосрочной политики в новых условиях – вообще «совсем другая история» (см. Тетрадь 13).

*Материал подготовили:
руководитель направления Белоусов Д.Р.,
ведущий эксперт Михайленко К.В.*